

III.

Магиспръ обლობызаль Усшавъ ;
 Свершилъ мольбы ; и мечъ и крестъ великій
 Державы въ знаменье пріавъ ;
 Возносишь ликъ шревожнѣй , дикій .
 Во взорѣ блещущъ радость , злосць ,
 И взоры вкругъ онъ мещешь горделиво ;
 И , чуждый успъ безцвѣтныхъ госпъ ,
 Мелькнулъ смѣхъ легкій , всѣмъ на диво :
 Какъ молнія средъ раннихъ облаковъ ,
 Предсеча солнца и громовъ .
 Магиспра ликъ , грозящій , изсупленный ,
 Чаруетъ всѣхъ ; и Рыцари , надмѣины ,
 Въ мечпахъ , ужъ кровь невѣрныхъ моремъ льютъ
 И грады грабятъ , селы жгутъ .
 „И кто предъ нимъ не вострепещетъ ?
 Кто , встрѣся взоръ , дерзнетъ съ могучимъ въ бой ?
 Дрожи , Липва ! часъ близокъ пвой :
 Съ смѣнъ гордой Вильны крестъ возблещетъ .“
 Мечта ! мечта ! . . . Двукратно бурей свистъ
 Въ дубравахъ грустныхъ вылъ , сбивая желтый листъ ;
 Уже Липва грозитъ ; а Валленродъ небрежный
 Ни самъ не-идетъ , ни Рыцарей не шлетъ ;

III.

Дравъ книги святыхъ Магистровъ обидѣва,
 И мѣръ отъ Коимтура и кресты воспринѣва,
 Съ молитвой, какъ знаки его возвышениа,
 Возмесь гордо келъ; но пера въ размышениа
 На нелѣ оставалась. ... Взвѣдо бросишь кругомъ,
 И радостно вникати и гнѣвомъ воздремати,
 И новая гостѣя на мнѣ его —
 Члѣбъ похвѣля, но слаба, и мѣлово:
 Така пробѣска, что въ утробѣхъ жѣхъ горѣхъ,
 И солнца явленѣе и громы едѣмъ. —

Сей пламень Магистра, сей мѣхъ Великаго
 Вселенныя надежды, — и брата въ смертаго,
 Врѣмя бѣсѣхъ предъ собою доброты и славы,
 И издрѣвъ явѣмъ крѣвѣ мѣдо въ бѣдѣ.
 Кто сдѣлаетъ таково вѣдѣмъ сѣмѣе,
 Отъ бѣды и дѣлаи его устоитъ?
 Естѣмъ мѣстѣ мѣмъ, что въ бѣдѣ и мѣмъ,
 Когда съ бѣдѣмъ Великаго мѣмъ крѣвѣ воздремѣмъ.

Надежды напрасны. — Проходя спокойно
 И дни и недѣли и мѣсяцы годъ;
 Мѣмъ угрожаетъ; Коимуръ, не достойно,
 Ни само неспѣшитъ, ни дружи не поимѣе

Онъ дремлешь; дѣло ли начнешь —
Порядокъ только рушишь прежній.

И вопишь онъ: забыли долгъ свяшой

Вы, пресупивъ и кляшвы, и усшавы!

Покаемся, и презримъ суешой,

И въ благосши и мирѣ взыщемъ славы!

Всѣ Рыцарямъ опрады возбраняль,

Томилъ посломъ и шажкимъ покаяньемъ,

И легкія вины караль

Сырой шюрмой, мечемъ, изгнаньемъ.

А робкая Липва? — Вдругъ грянулъ Жмуди (?) рогъ —

И спарцевъ, дѣвъ и чадъ сердца полны превогъ;

Липва въпервый жжеть села повсенощно,

Плѣнишь народъ несчастный, бозпомощной,

У самыхъ врагъ грозить свяшыню сжечь

И изъ дворца Магиспра въ плѣнь увлечь.

Когдажъ къ войнѣ бышь можешь лучше время?

Внупри, Липву крушишь раздора сѣмя;

Извнѣже, Крымъ, Русь храбрый, злобный Ляхъ

Въ несмѣшныхъ двинулись толпахъ;

Випольдъ, въ бѣдѣ забышь народомъ,

И войскъ у Рыцарей просиль,

И злато, земли имъ сулилъ.

Но щещино все предъ чуднымъ Валленродомъ. —

И ропошный собираея Совѣшъ.
 Но гдѣ Магиспръ? — Альбанъ, тревоги полной,
 Въ палапы, въ храмъ — ни гдѣ Магиспра нѣшъ!

Гдѣжь онъ? — У башни наугольной.
 Давно за нимъ слѣдили по ночамъ:
 Какъ шѣнь пустыни, въ часъ полночи,
 Онъ. пупника тревожа очи,
 Блуждалъ одинъ по озера брегамъ;
 Или у башни, мрачно недвижимый,
 Въ часы ночные — сномъ неборимый,
 Повисъ плащемъ, до солнечныхъ лучей

Мерцалъ, какъ грустный мавзолей.

Порой произносилъ, въ помлени,
 Пустыиницъ таинственный опѣшъ.

Не слышенъ шопощъ, въ опдаленъ;
 Но шлема пренешный опсѣшъ,
 Порывы рукъ и звонъ нескромный спали —
 Глубокій смыслъ рѣчей ихъ проявляли.

ПѢСНЬ ИЗЪ БАШНИ.

Кто изощенъ мой всѣ споны и рыданья?
 Иль шакъ уже давно я плачу, и спраданья
 Такъ оправили грудь несчастной и глаза?
 Какъ душу нѣжную, горяча слеза
 Пронзаетъ камень сей холодной, гробовой;
 Мой ядовиый вздохъ разѣлъ рѣшопку ржой!

Тревожатся братья, собираются Собратье,
Магистра не ^{видно} ~~стара~~; Салбана ^{недовольный} ~~Безмолвны~~
И въ камин и въ срамя искают его: нигде!
Могут ли оны? на вярно у баини угольной.
За ними надводили почного порою;
Встали братья сироты: как скоро ^{предодер}
~~Всё~~ ^{середнее} время, — и широк надъ землей, —
Идут оны, и въ думу у озера бродят,
Или на конники, пригавим къ стогам,
Оны въ тисахъ завернувшись, пока ободнётся,
Вдали не подвизривъ, какъ широкъ виднётся,
И зночью ночь не пошлёмъ о сны.
На голоса шумелинцы, часто бывало,
Вставае, оны тихо отворотъ даётъ;
Многа иа дашъ звуковъ никто не поймётъ,
Но видно по грозному Биску забрана,
Движеніемъ главы его, нукъ поднятвѣ,
Что баинны идутъ бестовъ у нидъ.

Письмъ изъ Баини.

Кто слышитъ вѣдѣи мои перепѣетъ
Или тако уны долго мина въ тѣ слышъ,
Или поречи подкой въ нидъ стогомъ метѣмъ,
Что ризавитъ холодой рюметки фрезе,
Слеза, упадая, и въ каминъ сапогомъ,
Какъ бы въ сердцѣ добромъ, мало дуго пріеію.

Есть такое племя во степях Сибирских,⁽⁸⁾
То племя нутается воям Шрегово;
Есть воячий источник на долине Мандога,
Нутается много и воячий слогово;
Мы кто много воячово и слеза немирает,
А все боимся от и гряде возбудяет. —
Тут отие ласки, обаянья родной,
И таможе богатый, и край наш всевий,
И дель безмерный и в ночи покой,
Когда как бы Ангел спокойствия шествий,
Во дни и во ночи, на полях и во доли,
Всегда был со мною, не зримы на кону? ...
Три было сестры моя у матери много;
Но первой имя на муремъ было суждено,
Растущая юность и зрелый счастливой?
И кто сир имя повзгана, о счастьи много?
О юности счастливой! как чужд имя повзгана,
О чем ни кто во края муремской повзгана?
О Бог великий, Ево небесах,
О гряде, обитателя горы святыя,
Тут именныя люди во богатых церквах,
И гряде покоряются князю млада;
Во бою, как наш рыцарь, суждены они,
И так, как наш пастырь, во любви ищут.
Тут счастливый, земное помышление бремя,
Во роскошное небо стремиться душой;

Неугасимъ огонь божницы Святорога (Ѧ);
 Неизсякаемъ ключъ утрюмьхъ скалъ Мендога;
 По пламя вѣчное живишь жрецовъ соборъ,
 И вѣчный ключъ живишь снѣга, шуманы горь:
 Ни кшо ни слезъ моихъ, ни вздоховъ не живишь,
 А очи плачущъ все, поска мой духъ крушить!

Гдѣ вы, безгруппны дни и ночи безъ мечпанья,
 Вы, ласки машери, и вы, ошпа лобзанья,
 Палашы пышныя, веселый край родной? —
 Какъ тихій Ангелъ, шамъ невинность и покой,
 И въ полѣ, и въ дому, и въ полночь, и средь дня,
 Хоша не видимы — лелѣли меня.

Три дѣвы у родной мы розой разцвѣтали,
 И соимы юношей руки моей искали.
 Какъ радостно судьба сулила мнѣ разцвѣсть!
 О! кшо же мнѣ сказалъ: другое счастье есть? —
 Прекрасный юноша! зачѣмъ ты открывалъ
 Мнѣ шо, о чемъ ни кшо въ Ливѣ еще не зналъ.

О Вседержитель, объ Ангелахъ небесныхъ,
 Высокихъ испинахъ, и городахъ чудесныхъ,
 Гдѣ люди молящся въ блистательныхъ церквахъ,
 Гдѣ иѣжные Князья, съ любовію въ очахъ,
 Какъ наши рыцари, горятъ лешѣнь на бой;
 Какъ наши пашушки, покорны предъ красой.

Гдѣ долу чловѣкъ покровъ свергая брэнной,
 Въ роскошны небеса паришь душой неплѣнной.

И, ахъ! я вѣрила: когда ты мнѣ вѣщалъ,
 Мой воспорженный духъ въ край горній оплещалъ.
 И съ той поры, живу — покорная судьбѣ —
 Живу, дышу мечшой — о небѣ и тебѣ!

Твой крестъ, веселіе очей обвороженныхъ,
 Надеждой вѣлалъ мнѣ грядущихъ дней блаженныхъ.
 Увы! съ креста того вдругъ разразился громъ,
 И все угаснуло, все умерло кругомъ.
 Но не ропщу я, нѣтъ! — хоть слезъ и полны вѣжды:
 Все у меня ошнѣвъ, не ошнѣлъ ты надежды.

* * *

Надежды . . . сонный доль, и лѣсъ,

И берегъ впорашъ психимъ эхомъ:

И Валленродъ вздрогнулъ, и съ дикимъ смѣхомъ,
 Воскликнулъ: гдѣ я, гдѣ?... надежду слышу здѣсь!

О чемъ поешь? — цвѣла, я помню, ты;

Такъ! при сесшры, какъ розы, разцвѣшали,

И сонмы юношей руки швоей искали.

О горе! вамъ, прелесные цвѣшны!

Змѣй, спрашнй змѣй закрался въ зелень сада;

И гдѣ, гдѣ перси зыбки ни скользятъ,

Изсушатъ злакъ, цвѣшъ вешнй опалашъ,

И станешъ все желтѣе персей гада...

Пари въ быломъ и дни воспоминай,

Дни свѣшлые, которые доселѣ

Ах вайна, а, - и в то самое время -
Небесную дружбу предвинула со мной!
Во того дня, и доброй порогой и счастливой,
А много отведи лишь и друзей небесной!
И престо на груди твоей мудро свержи:
А счастье грядущее во мени полагаю;
Но, горе! со престо Венера Меркурия заградила
И всё погасило во груди, замолчало;
Не драго ничего мнѣ, хоть снеси их Везде:
Смущается: всё отнимаетъ ты, кроме надежд!

*

*

*

Надежда. отголосокъ протекшего и твоего,
Во прощаньи, во доминанте, во финале повторилъ;
Восторженнаго Конрада и со счастливой душой:
"Ты а? ... о надеждахъ зрѣевъ явля? - возопишь...
Во чему эти песни? ... а помнишь что было:
Три было сестры-васъ у матери милой,
И первая за мужемъ смаранаена твѣ...
О горе вайна, горе, младые званья!
Вити страдальчий прокрался, вопиѣвъ мирившася,
Ты грудь твою извѣстной своей проскомъ взметъ,
Моя земля увянетъ и роза ухнетъ,
И всё погаситъ, какъ перси у гада!
Летай еще ты ^{и всѣмъ} ~~и всѣмъ~~ и дни востановишь,
Которые во всё еще веселы были,

Кого бы... ^{пойд} ~~по~~ прохлянай!
 Пусть ^{се} ~~с~~грябнутая смерть, что каиний пробыл,
 Не павалит ниженко; и лесом сбрину болой,
 Пусть каиний годя — и село мило сфигають,
 Пусть каиний годя, да терпимо я милой
 Мн' мурки, что во адр меля озидають...

Голова изъ Басини.

Прости меня, мой милый, прости меня!
Мы поздно приходим, а ждаешь пусто, боюсь,
Какая-то греховая тоска небось...
Но прощай отовсюду... и сль упреху
Судьбу? о мой милый! любил я с тобой
Множество; но отныне многовещия я
Мне никак неслыханно с прегрешения
На скуку, на безразличие людское.
Мы сами говорили, что люди такие,
Положи на ровном, стелении на дну:
Во годь, в раз, в непогодь, сугубая вина
На берег извергнуты иль пригнаны злы.
Эта милая откровенность, раз на небу дождя
И слова в свой огнень болотный ивну...
Криво, криво. Непомяту мила счастье такое,
Еще на откуп, под кровом покоя,

Вела бы въ шихомъ , дѣвспвенномъ весельи ,
 Когдабъ... Молчишь?... О! пой и проклинай !
 И ядъ слезы , пронзающей и камень ,
 Не гинеть пусъ ; да на меня падешь ;
 Я шлемъ сниму , и пусъ чело мнѣ жжетъ
 Горючихъ слезъ прокляшья—спрашнй пламень:
 Я жажду знать , что въ адъ душу ждешь.

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

Прости , прости виновную : о милой !
 Ты медлила , грустно было ждешь ,
 И дѣшсшва пѣснь впѣснилась въ духъ унылой!
 Прочь эта пѣснь... и мнѣ ль ропшашъ?...
 Лишь мигъ судилъ намъ рокъ поспылой
 Пожишь ; но предъ минушой пой

Что въкъ людей , что скука , чувствъ дремоша?
 Ты самъ сказалъ мнѣ : жизнь полны земной
 Есть мершвая жизнь раковинъ болоша.
 Разъ въ лѣшю ихъ изъ шопи , изъ гнилой ,
 Подъ бури ревъ , валъ выплеснеть пѣнистой :
 Они вздрогнувъ , вздохнушъ на сводъ огнистой,
 И вновь , помясь , гнѣздяшся въ шину норъ. —
 Нѣтъ ! я дышу для счастья не шакова :
 Еще въ дому , въ дни цвѣша молодова ,
 Когда подрутъ рѣзвился свѣшлый хоръ ,

О чемъ-то я грустила, посковала,
 Вдымалась грудь и сердце препетало.
 Нерадосно на низменномъ лугу,
 На бархатныйя гордый холмъ бѣгу:
 Какъ тамъ легко! — Ахъ! еслибъ удѣлили
 Пошерышку мнѣ жаворонки мило;
 Взлѣсла бь съ ними, и на шомъ холмѣ
 Сорвавъ одинъ цвѣшокъ безцѣнный мнѣ...
 Съ лазурной незабудочкой вспорхнула,
 Взвилась, взвилась — и въ небѣ ушонула! —
 Мнѣ царь пернашихъ внялъ: о милый! орлій пивой
 Полетъ умчалъ меня съ собой.
 Ужъ не молю и пшичекъ я любезныхъ:
 Какою шѣхъ обворожишь мечной,
 Кто съ мужемъ-славы жилъ въ любви свяшой,
 Кто славу зрѣлъ Творца міровъ надзвѣздныхъ?

К О Н Р А Д Ъ.

И рай пивой — слава, слава, Ангелъ мой!
 Для коей въ пшяжкомъ горѣ изнываемъ...
 Еще немного дней переспрадаемъ,
 Немного... Грозный рокъ ужъ умилѣнъ.
 Свершилось! ищешны поздній ропошъ, спонъ.
 Рыдаемъ мы; но врагъ, вшпрещешны вскорѣ:
 Я слезы лью, да хлынешъ крови море!

Бавало не раз, средь вселивих подруг,
Орелъ-то грустника, взбывала я вруга,
И сердце тревожно во мнѣ волновало.
Ме разъ идо долина вѣдоути мнѣ сугубо
Надъ нами, высокоимъ, — и мнѣ я: лѣв,
Когда бѣмъ зрабронки съ кривево свѣдѣнъ
Мнѣ даи попервину, — а даи олоно
Получалась съ мнѣ въ воздѣнъ видѣ
Къ мнѣ мой, — и таи бѣ себѣ я лоттѣ
Однѣ мнѣ зѣмторѣ сорванъ недѣнъ,
Убо токъ негубу, — а по мнѣ мнѣ
Взбывае-бѣ высоко — и въ мѣдѣ мнѣ.
Мнѣ то, царь пермѣ, вѣвѣ сѣзной мнѣ,
На Орелѣ вознесъ мнѣ кривѣвѣ къ себѣ.
Менѣ, зрабронки мнѣ кривѣвѣ къ ксѣмѣ.
Куда бѣ по мнѣ мнѣ, ксѣ бѣ мнѣ,
Кто бѣ великаго въ мѣдѣ мнѣ,
И въ мнѣ мнѣ кто великаго мнѣ.

Конрадъ.

Великѣ, мой Ангелъ, великѣ одно!
Мнѣ отъ великѣ на горѣ даи.
Еще мнѣ потерпѣи съ мнѣ мнѣ,
Мнѣ мнѣ мнѣ... мнѣ и мнѣ мнѣ.
Великѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ.
Великѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ.
Конрадъ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ.

За что ты, мой Ангел, рождалась расфарса
Во обитель мирной, с покоем блаженным?
Я Богу тебя посвящаю на служение:
Не лучше ли было погнать кровомъ св. убиен
Сиротамъ, гонимымъ отъ сего въ отдаленны,
Тамъ гдѣ въ вѣроу и надеждѣ, народъ. Въ храмъ,
Среди этой башни, въ тѣни вострой ночи,
Во тоской отвергнутъ одиноч. очу,
И сквозь крововую рожетку свою
Молитву подавая, а я - дождю сиротъ,
Смотрю на томъ селѣ кончины твои,
И, стоя въдали, проклиная мою душу,
Что хуления остатокъ скрывается въ ней...

Голосъ изъ башни.

Этотъ? и такъ не поди сюда тизерно,
А если придетъ и молитва будетъ слышна,
Меня неувидишь. Охъ и захочу,
И въ тѣмъ башни сойду мѣстную.
Много горькихъ слезъ много въ молитвахъ,
Прости, мой безданный, прости навсегда!
Да слышитъ молитвы твоей намъ въ тогда
Ты, другъ мой, ко мнѣ неспитъ соображенъ.

Почтобъ, почто кидать сѣнь мира, другъ?

Я мнилъ: ты, въ ней, смиришь души недугъ...

Не легче ль, Ангель! съ Вѣрою высокой,

Въ свяшынѣ мира, отъ меня далеко,

Жишь, и въ слезахъ угаснушь межъ черницъ.

Чѣмъ здѣсь, въ спранѣ крамольныхъ кроводѣйцъ,

До гроба въ гробѣ, грустной, одинокой,

Въ спраданьяхъ тяжкихъ, плѣнь, иснаевашь,

И сирья зѣницы опроверая,

Холоднымъ камнямъ—смертный спонъ ввѣряшь;

Мнѣжъ пренепашъ, шѣмъ спономъ слухъ перзая,

Мнѣ пышкою медлишельной швоей

Томисься, бишься, душу проклиная;

О! пламенны на горе чувства въ ней!

Г О Л О С Ъ.

Укоры, другъ?... Не приходи же болѣе

И не моли: кърѣшопкѣ не взойду

Съ привѣшомъ; нѣтъ! — Въ своей жестоккой долѣ,

Безмолвная, въ гробъ за-живо сойду,

И въ душномъ мракѣ, свѣтъ покинувъ Божій,

Горючія, глосашъ я буду слёзы.

Проспи навѣкъ, проспи, единый мой!

Тьма! поглотитъ сей день и мигъ поспылый:

Ко мнѣ жестоко, безжалостно — мой милый.

К О Н Р А Д Ъ.

Нѣтъ сжался ты, Хранишель - Ангель мой.

Иль не прону жестокой и рыданьемъ! . . .

О камень грянусь, брызнешь кровь спруей:

Я Каинскимъ прону шебя спенаньемъ.

Г О Л О С Ъ.

Ахъ, сжались мы сами надъ собой! —

Миръ безпредѣлень, другъ единый въ горѣ!

Но въ безпредѣльномъ мирѣ семъ — съ побой

Мы двѣ росинки на песчаномъ морѣ;

Насъ въ немъ засыпешъ — легкій въпра духъ;

Пушъ и засыпешъ — лишь бы съ милымъ вдругъ!

Не удручалъ я милаго желала;

Не вѣспой неба — бышь я не дерзала:

Мной обладалъ земной женихъ!

Боялась бышь сеспрою дѣвъ свяшихъ,

И посвящашъ я ищешно уповала:

Имъ вѣкъ поспылый свой: о другъ!

Тамъ безъ шебя мнѣ все вкругъ!

Такъ чуждо, ново, дико, спранно! . . .

И вспомнись мнѣ: чрезъ много дѣшь!

Конрадъ.

Тыся сърабься оу, мой дичей, и твѣ, надолгой,
Останься! Всему слова надолгой
Не вѣдѣть, — а въ гроу голову грему,
И Паула тмачей мочитъ тѣбѣ стану.

Голосъ.

Обудей другъ друга зрайтъ въ скорбный часъ.
Подумай твѣ, вполни, что въ миръ просфранси,
Личь двѣ, о мнѣ мой, двѣ мнѣ насъ:
Два катни роса на безднуху неспасоу;
Что вѣтеръ мнѣ мнѣ насъ мочитъ съ земли
Повѣрности сдуть: ай, упречи за одно!
Не съ мнѣ я мнѣ, что въ твѣ, мнѣ, жерзано.
Не мнѣ обрѣтъ я свѣченый примѣтъ,
И мнѣ я сержа не мнѣ оидатъ,
Мака въ мнѣ мнѣ мнѣ земли оставани.
Въ стмѣхъ мнѣ мнѣ мнѣ укрѣвѣнъ, а
Обрѣтъ катборни мнѣ мнѣ мнѣ,
Но въ мнѣ, въ мнѣ мнѣ мнѣ, въ мнѣ мнѣ
макъ нѣ, макъ дѣтъ и мнѣ макъ дѣтъ.
А вполни мнѣ, — что въ мнѣ мнѣ мнѣ

Ты въ городъ Маринъ хотѣлъ возвратиться,
Чтобъ мститъ совершилъ противъ нашихъ враговъ,
За грѣсо несчастнаго племени битвѣся.
Моя въ свѣдѣннѣ года сохраняетъ, кто ждѣтъ.
А мнѣ: вотъ можешь быть въперѣ отъ идѣтъ,
Какъ можешь прийишь... и узрѣвъ, мой мнѣ,
Я мнѣмъ зрѣвого сойти въ мракъ мнѣмъ,
Зрѣвъ не вольна, а зрѣмъ посмотрѣтъ
Хотѣлъ на тебѣ, и попомъ умереть....
Мойду, а скамья, и въ Кельѣ пучкивнѣмъ
На дикой скамѣ, у дороги бѣвнѣмъ,
Остатокъ; мнѣ, можешь быть, рѣзавъ какой
Кельѣмъ и въ бѣмъ обитѣмъ мнѣмъ,
И бѣвнѣмъ мнѣмъ порой назовѣтъ;
Какъ можешь, мнѣмъ курдѣмъ мнѣмъ въперѣ
И зрѣтъ его: мнѣмъ своего бѣмъ мнѣмъ,
Мнѣмъ зрѣмъ курдѣмъ прийдѣтъ на свой мнѣмъ,
Приходѣтъ дикѣмъ, мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ, —
Всѣ мнѣмъ сероцѣ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
Когда мнѣ, мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
Она въ дикѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
Средѣ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
Вдѣмъ за мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,....
И зрѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
Въ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
Не мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ.

Ты придешь, грянешь бурей бранной —

Да мщенья совершишь обѣщъ,
Да облегчишь спраны печальной бремя.

И думой окрыляя время,
Я молвила: бышь можешь, конченъ путь:

Онъ тамъ! — Иль тяжкій грѣхъ великой,
Мнѣ изъ могильной кельи дикой
Желашъ и разъ на милаго взглянушь,

И вѣчнымъ сномъ при немъ уснушь! —
Пойду . . . и надъ большой дорогой,
У грозныхъ скалъ, найду приюсть убогой,
Въ немъ заключуся. — Воинъ близъ него

Пройдетъ порою въ думѣ шайной,
И милаго мнѣ назоветъ случайно.

Межъ шлемовъ я, бышь можешь, шлемъ его

И гербъ найду: другая будь кольчуга,

И положи другой на щипъ онъ знакъ,

Весь измѣнись, — но сердце вѣще такъ. . .

Еще вдали узнаю друга!

Когда же тяжкій долгъ, долгъ вынудитъ его —

Казнишь врага кровавымъ, спрашнымъ мщеньемъ,

Хоть я одна дерзну смягчать моленьемъ

Проклятія, гремящи на него.

Я въ гробѣ семъ нашла приюсть мой благодатный,

Въ глуши лѣсной, гдѣ спранникъ святошапный

Подслушашъ слезъ и споновъ не дерзнешъ.

Я молвила: любя въ уединенїи,
 Бродишь съ мечной, бышь можешь, онъ поидесть,
 Въ раздумїи, въ часы вечерней пѣни,
 О мнѣ поговоришь съ волной
 И въспрашишь... услышишь голосъ мой. —
 Всесильно чистое моленье:
 Ты, милый, прибылъ, понять пѣнье.
 Бывало сны прошу я: образъ пшвой,
 Хоша, нѣмой, являшь мнѣ въ утѣшенье;
 Теперь, о верхъ блаженства! я съ шобой
 И плачу, другъ...

К О Н Р А Д Ъ.

Чшожь, выплачешь со мной?
 О, вспомни, какъ рыдалъ я, опчуждаясь
 Навѣкъ всего — для спрашныхъ кляшвъ своихъ,
 И какъ терзался, бился, вырываясь
 Я изъ обьяній мѣющихъ пшвоихъ! —
 Въначаюся спраданъя наши славой;
 Доспигъ ключа воды кровавой
 И ужъ гошовъ уипись мщеньемъ я;
 А ты, ты, рвешь изъ рукъ побѣду!
 Лишь вновь взглянула на меня
 Въ рѣщопку ты, одну лишь башню эпу,

Сколько мнѣ, подобно гулять твою порой;
Я мнила: быть мощнее, съ вернее твоею,
Мы друга таварицей охъ удамъ,
Придѣтъ побѣдывать съ вѣтрокъ, съ воиномъ,
Помыслимъ о мнѣ, и усмѣхнѣ^{ишь} мой масъ.
И вѣрно невинное недѣлю моему:
Принимай твою и помилуй моему нѣве.
Я прежде просила, чтобъ мнѣ мнѣй убо
Меня, постигала дѣтъ воснѣ, дѣтъ нѣмой;
А вѣкъ — блаженство. А вѣкъ мнѣй
О другъ — вѣкъ плакать.

Конрадъ.

И что же помогу? . . .
Я плакала, ты помилуй, вѣкъ насъ, какъ дѣтъ
На вѣкъ и твоемъ не развѣнчивъ одѣтъ,
Какъ болѣе для радости вѣкъ умирать,
Чтобъ не убои кровавою идти предпризвѣй.
Убои дѣтъ мнѣй мнѣй;
Менѣй за трудъ ожидаю награды,
Мнѣй отомститъ и примѣтъ мнѣй я, —
И твое вѣтъ мнѣй мнѣй мнѣй у мнѣй
Мнѣй, съ мнѣй мнѣй, какъ мнѣй твое вѣтъ
Блѣтъ мнѣй дѣтъ, убо мнѣй мнѣй

Во всей поднебесной твоей я отрады, —
Алико озеро, Басинно, рощищу твою...
Всё вокруг меня тучи тучи брани тучи,
Средь гонимых оружий и трудов боевских;
Мой слух уловит с неперытливости акаста
Небесная звонки уст твоих твоих.
И излив мой день есть одно озвучанье,
Когда мне дождётся — и вечерь придёт,
Но продолжится я стараюсь в мерзави,
И вся моя жизнь вечером идёт. —
А Ордена меча твоего на Базисе твоём,
О брани, на губе себя, воинов;
Тамбала нест ^{логичного} ~~милости~~ милости хочет;
Старинный всё лишь востановит обит,
И бюджетные градоу и сел раззоренье;
Когда мне некому его градоу востановит,
Донамеченно, востановит, единично возмощенно,
Учтены погасищу место разоренье. —
Судьба моя, мнится, коснулась предана.
Ах! Крестомосцев теперь отклонит
Не можешь от брани. Вера приемле
Мне Виша к ночи востановит, что готовы сплнить
Отводу собранья второй вселивной
Несмываемой рати: всё востановит, что я
повел их с мечом и крестом к ^{Тюкань} ~~Вильяну~~
Ах — со стыдом признаю — у меня,
Во томъ галъ, когда играют народы готова

Окно и берегъ — зрю въ подлунной всей;
 Другое все исчезло для очей. —
 Все вкругъ кипишь и дышешь брааннымъ духомъ,
 Средь звука трубъ, орудій боевыхъ;
 А я ловлю ревнивымъ, жаднымъ слухомъ
 Звукъ сладоспный успъ ангельскихъ пвоихъ.
 Весь день шомлюся спрашнымъ ожиданьемъ.
 Когдажъ дождуся сумрака часовъ,
 Ихъ чары силюсь я продлишь мечпаньемъ.
 И число дни — зарями вечеровъ. —
 Ропща на миръ, межъ шѣмъ Тевшонъ мятежный
 Самъ жаждой бишвъ въ ровъ гибели падешъ.
 Амбана месъ дохнушь мнѣ не даешъ,
 Жужжа про спрашный топъ обѣщъ мой прежній,
 Про край, пожару преданный, мечу.
 Когдажъ я слышаъ жалобъ не хочу,
 Однимъ движеньемъ, спономъ, взглядомъ
 Онъ месъ угасшую умѣешъ раздувашъ.
 Уже гроза нависла надъ Конрадомъ:
 Мнѣ Ордена ни чѣмъ не удержашъ!
 Вчера гонецъ изъ Рима прибылъ съ буллою;
 Усердье къ вѣрѣ брань вдохнуло
 Во всѣхъ: печешъ племень несмѣшный сонмъ
 И вопиешъ, чшобъ я съ креспомъ, съ мечемъ
 На Вильну вель; а я среди волненья,
 Я — о позоръ! — въ сіи часы,

Какъ рокъ племень рѣшатъ судебъ вѣсы,

Я — жажду промедленья.

Что бы пожилъ хопя денѣкъ съ шобой!

Какъ славенъ пы, мой вѣкъ невозвратимой,

Мой юный вѣкъ! — Я, младъ, спранъ родимой

Опдалъ, крѣпясь расперзанной душой,

Любовь, эдемъ, всѣ блага! Нынѣжъ — хилый,

И Богомъ, долгомъ, кляшвой роковой

Гонимый въ поле — я главы сѣдой

Не опорву отъ башни сей унылой:

И какъ мнѣ, другъ, ушрашилъ голосъ швой!...

Умолкъ; и спонъ изъ башни былъ опвѣшомъ.

Безмолвенъ, долго онъ споялъ, главой поникъ.

Рѣдѣшь ночь; и радужнымъ опсвѣшомъ

Румянишь лучъ зыбей лазурный ликъ,

И вѣперокъ проснулъся пиховѣйный

Межъ дремлющихъ куспарника листовъ,

И ппички пѣснь начавъ, умолкли вновь,

И пишиной и нѣгой усыпленны.

(Еще сафиръ не рдѣлъ въ вѣнкѣ востока розъ).

Конрадъ къ окну чело вознесъ

И долго на окно глядѣлъ, съ унылой думой.

Вдругъ соловей запѣлъ. Конрадъ угрюмо

Глядишь — свѣшло; забрало опусшилъ

И маншійей ликъ сумрачный повиль;

Ты шептала, — милое милое отечье, и я слова
Предпологовъ пишу, что въ этотъ день даждь съ тобою;
Сколько смертвѣ твою многокисленивъ, и молодость.
Блаженство любви, само небо, и молодость,
Я отдамъ для блага народа, съ тоскою,
Но и съ мудростію! и вѣнчанъ, подь ефросъ,
Нашъ домъ, пробужденъ и ищенье врагу.
Зовутъ меня въ поле, — явлю я едую
Отъ стѣны твоей баини отъ ищенья ищюму,
Боясь утратить — Бесѣду драгую! ...

Улыбнувшись; и баини милое отъ ищенья ищюму,
Мѣло продолжительнаго времени въ молчаньи;
Мѣло ночи, рѣдкая, и сучь зарю, рѣдкая
На тихій вѣтеръ, рѣдкая, и сучь зарю, рѣдкая
Дремлющие листья хустовъ замучили
Промладоту бѣлаго утра, кругомъ;
Вотъ тихий, проснувшись, тихо зайти,
Вновь смолкши, — и догнать молчанье ищюму
Внѣ дѣли, что рано ищъ хору пробужденъ.
Молча, вставши, къ баини теломъ обративъ,
И догнать въ тоску на рѣдкую ищюму.
Вотъ тихий, вставши, къ баини теломъ обративъ,
Во кругъ, да ищъ утра; — ищюму надъ очами
Вздыхая; захуля въ тѣло, и рѣдкую

Простит^{ся} ~~с~~ с муромскими, вострой стеной
Изрешечить кустами.
Мая колосовъ парий поща проворитъ,
Амъ гвери отиселника Демона бжуритъ.

IV

Муром.

Масштабъ гербъ Муромъ: то гербъ знаменитый,
Коси турья дубовъ восточу ситиатъ;
Властия въ болыхъ сѣ баиенъ парвима,
И рязарей въ муръ пригласаетъ. Копрайтъ.

Смо бжуритъ за тираею востеръ мачитъ,
На мачити калосою болымою кервиль окрестъ;
Мо бжуритъ муромъ, за ред^{омъ} ~~омъ~~ сие бжуритъ
Младше муромъ гербъ, услуги окрестъ.

Копрайтъ предоставляет; на сѣвѣ, на дружинахъ
Примкнутой своей, Князь Востеръ востеръ бжуритъ
Востеръ въ преданіе гербъ, востеръ Ордена и бжуритъ;
Омъ противъ мачитъ сѣ мачитъ сѣвѣ заклочитъ.

Мачитъ, востеръ, мачитъ муромъ пригласаетъ
Востеръ востеръ. 1^о (9) Чаша бжуритъ.

Съ пуспынницей рукой проспился
 И въ чащѣ лѣса скрылся;
 Такъ благовѣспѣ услыша, адскій духъ,
 Зарей, у кельи исчезаешь вдругъ.

IV.

П И Р Ъ.

Торжественный великій день Пастроны;
 На башняхъ вѣющъ бѣлыя знамѣна;
 Сонмъ Рыцарей въ Мариенбургъ печешь.
 Роскошный пиръ имъ Валленродъ даетъ.

Вокругъ столовъ спо манній забѣлѣлись
 И долгіе кресты на всѣхъ чернѣлись:
 То Рыцари; за ними, для услугъ,
 Цвѣлъ молодой оруженосцевъ кругъ.

Возсѣлъ Конрадъ; Витольдъ, Гешманы сѣли.
 Врагъ Ордена старинный, закоснѣлый,
 Липовскій Князь, дыша къ Липвѣ враждой,
 Съ врагомъ ея пьетъ кубокъ круговой.

Возсталъ Магистръ и пиръ провозглашаетъ:
 „Возрадуйтесь о Господѣ!“ вызываетъ (9).

„Возрадуйпесь!“ откликнулось спокрапъ,
И чаши вкругъ блестящъ, кипящъ, звенящъ.

Возсѣвъ, Конрадъ на длань главу склоняешъ
И буйный шумъ, съ презрѣніемъ, внимаешъ;
Но шумъ умолкъ; лишь кой-гдѣ смѣхъ глухой
Звонъ легкій чашъ перерывалъ порой.

„Возрадуйпесь!“ но брашя, мнѣ спранно,
Какъ Рыцарямъ шакъ праздновать пиръ званной:
То пьяный шумъ, то вновь все глухо вкругъ;
Здѣсь какъ вершепъ, а не монаховъ кругъ.

Въ мой вѣкъ былой не шакъ у дебрей Финскихъ,
На горахъ шѣль; иль при огняхъ воинскихъ,
Въ ущеліяхъ Гренады грозныхъ скалъ,
Я въ часъ ночной съ друзьями пировалъ.

Тамъ пѣли намъ; ужель, среди веселья,
Ни барда нѣтъ межъ васъ, ни менестреля:
Сердцамъ вино — веселія кумиръ;
А мыслямъ — пѣснь, безъ ней и пиръ не въ пиръ.

Готовы вмигъ пѣвцы; шамъ голосистый, полный,

Ишаліанецъ смуглый вспалъ,

Умъ, подвиги Конрада воспѣвалъ;

"Веселіе въ Господѣ!" соимъ повторяется;
Звучитъ середра и напѣтки рѣчатъ.

Восемьдесятъ, и оперишъ ружья,
Она иду не ^иприхвѣтъ, съ презрѣннѣмъ ^{вниманіемъ}
Но стѣило; ^имѣ сѣдимъ шурри порою,
И шопотъ иль легкій звукъ ^имѣ прерываю.

"Веселіе! Но что это, братья? сказали они;
Умелъ ли нашъ веселіе такое приесть?
Сначала прино пѣльмъ и шопотъ потонетъ;
Паройники здѣсь, иль ханни за сѣрой."

Въ мой вѣкъ не такъ обѣщанъ бѣли,
Когда на покрѣтѣхъ ^имѣмъ помяло,
Въ Каспійскій городъ ^имѣ ^ивѣрнѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ,
При пѣльмъ бѣльмъ бѣльмъ ^имѣмъ ^имѣмъ.

Мамъ пѣльмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ
Не ^имѣмъ мамъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ?
Для сѣльмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ,
Аннея ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ."

И ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ;
И ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ,
И ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ ^имѣмъ;

А вот трибадуря от Парониских берегов
Несет пастухов приключенья влюбленных,
И ризарей храбрых и дав заключенных.

Вздремавъ вилемградъ, извухъ теснѣ преоде,
Но вдругъ тучиной везанной подальше,
Швырнулъ Мтавиану подарокъ богатый:
"Ты жь тѣмъ огню мнѣ евангеліе, онъ сказалъ,
Вдвѣхъ невозможно мнѣ дать награды:
Возьми и ступай; трибадуря же младой,
Новизнѣ подобенъ мнѣ и прелестнѣ везанной,
Мучной и вѣнчанъ, тѣмъ мнѣ насъ насъ жаконъ
Довизнѣ, тѣмъ жь рожь, въ награду, съвое бременнѣ
Ему прѣклона по приду влюбленной."

Вздрѣв рожь убави, и птени мнѣ
Мжетъ ризарь-заборникъ отъ барда мнѣ;
Пусть будетъ онъ тѣмъ дика и суровъ,
Какъ звукъ оружья, трибды боевой,
Мрачна, какъ затворы обителѣ мрачна,
И зрѣла, какъ тѣмъ мнѣ офисовника тѣмъ мнѣ.

Для насъ, что святиня и мнѣ рожь мнѣ,
Для насъ тѣмъ мнѣ мнѣ, пусть святость вѣснѣ мнѣ,
Пустьъ сущѣство, и мнѣ, и тѣмъ дѣмъ въ мнѣ,
Пустьъ сердцѣ вѣснѣ мнѣ мнѣ и мнѣ мнѣ,

Тупѣ юный прубадуръ, преидя Гароны волны,
 Пѣль нѣжныхъ, спирашныхъ паспушковъ,
 Дѣвъ, рыцарей и колдуновъ.

Конрадъ вздремалъ — и замирающъ звуки.
 Вспревоженъ пишью, полнъ мяпежной муки,
 Лъспецу онъ даръ бросаетъ золошой.

„Мнѣ одному ты пѣль, и даръ посильный
 Я далъ; возмижь — и съ глазъ долой;
 Тыжь юный гостъ, пѣвецъ любви умильный,

Проси, чпо съ иноками нѣтъ
 Красы: она бы бреннй розы цвѣтъ
 Къ груди пѣвца рукою бѣлоснѣжной
 Съ улыбкой приколола нѣжной.

Но розы здѣсь увяли; я монахъ;

Хочу пѣвца и пѣнѣя я инова:

Мнѣ будь оно шакъ дико и сурово,
 Какъ звукъ роговъ и броней громъ въ бояхъ;
 Угрюмое, какъ монастырски спѣны;
 Огнистое, какъ инокъ упоенный.

Мірѣ освящая, — кровь мы льемъ рѣкой:

Да праздникъ пѣснь убійства оглашаетъ;

Да всѣхъ она и гнѣвомъ и поской

Томя, поскливыхъ пренешомъ пронзаетъ.

Вопъ наша жизньъ, и нашъ напѣвъ такой;
 Гдѣжь мой пѣвецъ? гдѣ, кто онъ?“ — „Я!“ — взываетъ
 Въ величьи спарецъ; идетъ отъ дверей,
 Гдѣ възсѣдѣлъ, закрытъ толпой пажей.
 Липвинъ, иль Пруссъ — какъ видно изъ одежды —
 Съ густой, волнистой, снѣжною бородой,
 Съ обѣянной лѣсами сѣдиной;
 Покровъ шапши его чело и вѣжды,
 И ликъ изрытъ спраданія рукой.

Онъ съ ушлою Прусскою цѣвницей
 Изшелъ; въ пиши, просперъ къ сполу десницу;
 Все маніемъ очароваль:
 Все стихло на — глухо. „Я запою! — воззваль,
 Я, чадъ Липвы пѣвецъ — измѣнѣ укоризна!...
 Гдѣ, гдѣ сыны Липвы? — Одни въ гробу съ опчиной,
 Тѣ гордо на гробу рыдая по родной,
 Горящъ послѣдній долгъ свершишь кровавой призой —
 Такъ вѣрный рабъ, въ судьбѣ благой и злой
 Самъ на кострѣ сгараешъ господина —
 Иныхъ лѣса укрыли и чужбина;
 Вишольдъ же — вошь, врагъ Нѣмецъ! онъ съ побой.
 Но въ Спрашный день — напомнимъ, Нѣмцы! вамъ —
 Чшѣ имъ, измѣнникамъ презрѣннымъ,
 Чшѣ дѣлашъ имъ, проклятія сынамъ,

И вновь за тоскою жгучею нудю заставитъ!
Но зрелищ и нощей. И кто сие въ снѣхъ стѣнахъ,
Кто, намъ пропоеетъ ея? — Я отговарялся
Маститый старикъ, что въ толстѣ, прѣдверьяхъ,
Медь ружья и парней незаиможенъ скрывается;
Пруссаки члв смѣшны, но одесны; съ брадой,
Отъ мѣтѣ побѣдившей, но длинной, густой;
Глава смѣло остатковъ сядины явилася;
Тело и въ очамъ повязка скрывается
А мнѣ, изображенъ въ снѣхъ годили, тоской.

Отъ Прусскую мѣтѣю держала въ правой длани,
А лѣвую руку къ столу простирала;
Снѣхъ знакомъ бесѣду пресея обнимала.
Всѣ смолкло. — Я и тѣмъ сподю, онъ сказалъ.
Митовца и пруссаки я президе-товалъ;
Здесь родину нашу огни зашита;
Другіе, съ перепитомъ не зрелая,
Отъ печалей надъ триномъ отексѣва мрутъ;
Тако ружья, быва върны въ дни зоси и весны,
Косиѣръ своего благогнѣмъ дожила.
Иные въ снѣхъ скрываются поствѣдно болзутъ,
Другіе, какъ вымплоды, медь ваши зривуѣ.

Мд-сали въ, Милы, спросите, по снѣхъ
Милынишки мнѣ отъ снѣхъ
Что въ какъ тотъ предприимѣ, когда на'омъ снѣхъ

Одно обреченные вечно, они
Воззвать пожелают нас предков играя?
Каких языков будут в поминках звать?
Мой Вавилонской речей немецкой вышняя,
Возможают дотей своих предков узнать.

О дити, какое мнѣ твое имя?
Мы кто Войденоту не дали ни какой
Воззвать, когда я из храма, съиди,
Во немецкихъ цѣпяхъ была вѣкова въ бѣдѣ.
Одинъ въ землѣ нудной, дряхлѣя, живу;
Моего — по увѣ. кому, то — я не знаю;
Я выискаю онъ, смотря на мнѣ.
Меня въ домъ въ домъ я домы пожелалъ
Послать, — где мой домъ — не вѣдомо то мнѣ;
Во селѣ мнѣ, въ томъ, въ другой стороне.

Милосердье, милосердье одно сохранило,
Что въ храмъ родномъ найлучшаго было,
И эти святые вѣдомости мои
Остатки, — о Милосердье! Возвѣстите вы мнѣ.

Какъ рѣшаръ, на играхъ, въ бѣ поборуженъ,
Въ бѣдѣ честнѣ, мнѣ друзей сохранило,
Что вѣсь въ посылкахъ, вѣдѣхъ презрѣно,
Предметы въ поборуженно снова стѣшитъ,

— Гееннѣ спрашной обреченнымъ?...!

Изъ рая ль праопцевъ призвалъ?

Но какъ дерзнуть они воззвашъ?

И въ варварской, въ рѣчи Нѣмецкихъ звуковъ

Какъ дѣды рѣчь узнають внуковъ?

Какой позоръ, о дѣши, всей странѣ!

Ни кшо руки, ни кшо не подалъ мнѣ,

Когда въ цѣпяхъ, меня, жреца сѣдаго,

Тевшонъ увлекъ опъ алшаря свашаго.

Сирѣ, одинокъ, я обреченъ драхлѣшъ, —

И было не кому, увы! пѣвцу - мнѣ пѣшъ (10).

Рыдая по Липвѣ, опъ слезъ пошухли очи.

Еще бѣ родимой я послалъ до вѣчной ночи

Хопъ вздохъ; но гдѣ шы, край безцѣнный мой?

Здѣсь, памъ ли въ споронѣ ли той,

Не знаю я. И сердце сохранило

Лишь то, что памъ прекраснѣйшаго было;

Возьми жѣ, Тевшонъ, и сей ужѣ бѣдный лепшъ —

Воспоминаній старчихъ цвѣшъ.

Какъ изъ презрѣнья пощаженный,

На играхъ рыцарь побѣжденный,

Осмѣявъ, дышетъ — губишъ чесшъ,

И душу жжетъ и гложетъ месшъ;

Еще онъ, жалкій, рвется къ бою —
И спонешъ подъ врага пяпою:

Такъ жаромъ я стараю, и падешь
На люшню длань; о! пусть же хилой
Липвы послѣдній Вайделопъ

Споешъ вамъ пѣснь послѣднюю уныло.“

Умолкнулъ; ждешь, что молвишь Валленродъ.
Всѣ чушко ждущъ въ безмолвіи глубокомъ:
Насмѣшливымъ, пышливо зоркимъ окомъ
Онъ въ Липвинѣ мяежъ спрасшей блюдешь:

Измѣниковъ лишь назвала Вайделопъ,
Всѣ вздрогнули: Вишольдъ смященный,
Гнѣшомый гнѣвомъ и спыдомъ,
Блѣднѣль, синѣль; вдругъ, бурно распаленный,
Сшени, къ пѣвцу, съ сверкающимъ мечемъ,
Идешь, кишишь, и предъ перевознымъ сонмомъ
Взглянулъ — и спалъ, какъ оглушенный громомъ;
И черная кровавой злобы мгла

Вдругъ градомъ хлынула съ чела.

Варыдавъ, сшени онъ возвратился,
Повился въ плащъ — и въ думу погрузился.

А Нѣмцы шопотомъ: иль нынѣ вѣкъ такой,
Что нищій збродъ на пиръ пускающъ званный?

Посланным усилить главно поправляется,
И, слава у нас Благородна, оудре полагает.

Тако сурь Бодовенце посланный мнѣ пишетъ,
И сирѣкъ кь ступамъ моему главно приываетъ,
За гласъ вашъ посланный въ Лубѣ Вайденотъ
Полагать и сирѣкъ о мнѣ поноситъ...

Скоро, и згаде сирѣкъ въ мнѣмъ и сирѣкъ
Омѣта Мамента, и сирѣкъ сирѣкъ мнѣмъ;
Сирѣкъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ
Сирѣкъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ

Вашимъ сирѣкъ, какъ Вириндъ въ то мнѣмъ,
Сирѣкъ, какъ мнѣмъ сирѣкъ мнѣмъ мнѣмъ,
Вириндъ, мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ
Сирѣкъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ
И сирѣкъ, какъ сирѣкъ сирѣкъ мнѣмъ,
Мнѣмъ, удивительный мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
Сирѣкъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
И сирѣкъ его мнѣмъ сирѣкъ мнѣмъ мнѣмъ,
Сирѣкъ въ сирѣкъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
Сирѣкъ кь мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,
И сирѣкъ, какъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ,

Мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ
На мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ мнѣмъ

Кто смущаетъ плещи и кто имъ пощиплетъ?
Мы прощамъ сибирити и сибирити прерываемъ
Средь круга туркочинца сибиритивый смехъ;
И свайзуютъ наши молодцы въ орты:
"Вотъ нощь для плещи Липовской. Вывевайся."

Но бѣдная Комрада: "грабровѣ рывцаря. Река,
Днесь Ордемоша, въ пашеѣ обѣдѣ старыи,
Отъ градовѣ, мизвей принимаются дары.
Какъ съ края подвиганого дойзливый обрѣкъ,
И мизей баша плещи свои въ зрѣнью обрѣкъ;
Въ сей день принимающа его неоптималь,
И плещи отъ старца, какъ лѣтъ вдовѣ, принимающа."

Владимира Липовцева средь насъ за столеша,
Днесь имъ урочаеши возгидей его славыи:
Милъ весело пашаѣ о подвиганыхъ давнихъ
Семьшанъ, о зривуи въ словъ прогн. ии.
Мотъ плещи удамилъ, коимъ не похитро:
Но гудъ въ збукъ вимматъ. ии призвѣно
Липовской урочной той плещи, порой;
Какъ въ бурю. Висовъ раскочивившися вой,
Какъ плещи гудъ въ вѣннѣе случаѣ ордаи.
И соитъ подъ мидъ сладокъ. Иицуръ старый прои.

И кто поймешь бредъ старца спранный ?

Распущій шопопъ межъ шолпой

Смѣльи, живѣи перерывали смѣхи;

Въ углу пажи, свистя въ орѣхи,

Кричашъ: „на этопъ ладъ запой, Липвинъ сѣдой!“

Вдругъ Валленродъ, возсавъ, взываетъ :

Друзья! по старинѣ, въ великій праздникъ сей,

Какъ дань, нашъ Орденъ принимаешь

Дары богатые ошъ городовъ, Князей.

А нищій къ намъ пришелъ съ цѣвницей...

Но пѣсню нищезы сѣдой

Пріемлю я, какъ лепшъ, убогій даръ вдовицы.

На пирѣ Князь Липвы со мной,

Вы видите вождей его съ собой :

Какъ мило-бъ имъ, въ красѣ воспоминанья,

Въ родной рѣчи — внимаешь ошцовъ дѣянья!

Подише вы, кому слова шемнѣ!

Я дикіе Липовской пѣсни сшоны

Люблю порой, какъ бурный ревъ волны,

И дальный громъ, и шумъ глухой и сонный

Въ весенній дождь: подъ нихъ, передъ зарей

Такъ мило спашъ! — Пой, Вайделопъ сѣдой!

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА (").

Когда Липвѣ грозилъ свирѣпый морь,
 Тотъ черный день провидишь вѣщій взоръ.
 Коль вѣрише сѣдыхъ жрецовъ сказаньямъ,
 То по пуснымъ кладбищамъ и полянамъ
 Бродящую Заразы - Дѣву зряишь (12). —
 Глава въ вѣнцѣ огнистомъ, саванъ бѣлый —
 Внося чело превыше древнихъ ёлей,
 Она взвѣшаетъ свой кровавый плащъ.

Забраломъ очи спражи замковъ кроющъ.
 И чую смерть, псы въ селахъ землю роющъ;
 Врывая зѣвъ, заводящъ спрашный вой.

Чума идешь губительной споной
 На градъ, на вѣсь, на замки величавы;
 Гдѣ грозная ни взвѣстъ плащъ кровавый,
 Тамъ замокъ спалъ пусынею глухой;
 Гдѣ ни пройдеши, роспути гробы, какъ шравы.

Зловѣщій видъ! но для Липвы спокрашъ
 Зловѣще за Нѣманомъ блестящъ

Письмъ Вайделомта (10)

Могда угрожають зараза мумбю,
Примого ея вѣще ^{око} ~~и~~ узнають:

Могда, Вайделомтово холъ варитъ мольбу,
Не разъ на кладбищахъ и вѣномъ бѣвается
Видна гроба еява: (11) она выступаетъ,
Вся въ домомъ, съ семействомъ въипомъ на мавъ,
Кемонъ вѣще гробъ въ моварской Дубравѣ,
Въ ружьѣ она тѣмъ насущаетъ кровавый.

Подъ шестю ея кроетъ стразъ замка мовомъ,
А тебѣ село окрестивша поствъ въ землю заровне,
Копаномъ, селитъ хуя, и фамово воемъ.

Ма гроба маваетъ тѣмъворной стѣной,
Черъ села и замки, богатомъ градовъ,
Мъ гдѣ оправдываемихъ тѣмъномъ мавиетъ,
Мавъ въ мавъ обрѣтается въ мовѣмъ мавѣмъ,
Суръ ступитъ мовомъ, — гробъ свѣдѣй расмѣетъ.

Вловмъе диво! — по земной бродомъ
Грозимъ мумбю, угиттеной гудомъ, —

Во тучномъ гвѣздномъ первевѣ Атисскій шлемокъ
и Орденскій плащъ, огернанный крестомъ.

Этотъ дубъ такое хомъ нашъ пролодимъ,
Всѣмъ дѣтствамъ градовъ и сѣмъ имъ вѣсто:
Мамъ всебъ уже край становился могилкой.
Ахъ! кто сберечь душу Любоваго, тотъ
приди, на могилу ^{народовъ} ~~народу~~ воздѣлать,
и думать, и пѣть намъ, ислезъ имъ страши.

О слово родное, забота повѣра!
Во медѣ сопряглось съ настоящимъ бѣломъ;
Народъ во медѣ видитъ оружіе воєво,
Во медѣ слышитъ и гудѣнье свое отъ сберечь!

Повѣра! не разрушитъ тебѣ ударъ вразнѣ;
Моя сама народа не безмалитъ твоемъ
Скрябѣраемъ. Народная пѣснь! ты насъ раши
Стоишь въ вѣстиманіи народа святыни!
Во крѣпости Архангела твое и трудова,
и мечъ твой Архангела держимъ порою.

Писанія ташевъ-гудимель похриѣро,
и ^{тамъ} ~~тамъ~~ меченостный казной завладѣть;
Но пѣснь-скарашитъ, людей обмѣнить:

Шлемъ, перьями надмѣнно осѣненный,
И манпій снѣгъ, креслами опшѣненный.

Гдѣ ни прошло сіе видѣнье, шамъ
Палашъ и селъ гробы не дивны намъ:
Тамъ цѣлый край взявъ алчною могилой.
Ахъ! кто Липвинъ, могъ смерши избѣжать!
Поди со мной на гробъ спраны — уныло
Въ раздумьи плакашь, пѣшь, мечашъ.

Родной языкъ! живой ковчегъ преданій!
Въ тебѣ народъ опъ древнихъ, бѣлыхъ дней
Всегда хранилъ и лавръ богатырей,
И мыслей духъ, и цвѣшь своихъ мечпаній.

Ни чѣмъ вовѣкъ, ни чѣмъ не сокрушимъ,
Пока своимъ пы племенемъ хранимъ.

Родная пѣснь! Волшебный спражь сѣдой
Народнаго преданія божницы!
Какъ Серафимъ, паришь, трубишь; порой,
Какъ Серафимъ, горишь громовъ въ зарницѣ. —

Героевъ лики съ лавромъ — огонь пожрешь,
Мѣдь, мраморъ — шашъ расхипишь меченосный;
Но пѣснь пройдешь изъ рода въ родъ.

Когдажъ не спанешъ родъ поносный,
 Поя слезой, пишашъ ее въ мечсахъ:
 Пѣснь — въ дебрь, и льнешъ къ развалинамъ, спеная;
 Гласишь съ гробовъ о прежнихъ временахъ.
 Сквозь огонь изъ дома излешая,
 Такъ соловей на кровлѣ мигъ сидишь;
 Домъ палъ, и онъ въ лѣса лешишь;
 Грудь звучная, румяными зарями,
 Уныло пѣснь поешъ надъ пепломъ и гробами.

Внималъ я пѣсни: часто на поляхъ,
 Цѣпляя коси, орашай преспарѣлый
 Грустя игралъ на ивовой свирѣли —
 Усопшимъ миръ; или спеня, въ слезахъ,
 Пѣлъ вась, велики праопцы — безчадны!...
 Я вслушался: спенало эхо съ нимъ,

И шѣмъ сильнѣй распироганъ имъ,
 Что зрѣлъ, внималъ — одинъ я безошрадный!

Какъ Ангелъ въ Спрашный день, опверзъ міра гробъ
 И воспрубя, вселенной двигнешъ плѣнья;
 Такъ коси вдругъ на гласъ мой, изъ-подъ спонъ
 Сбѣжась, срослись въ гиганшскія видѣнья.
 Вспаюшъ изъ грудъ и своды и сполны;
 Среди озеръ шумяшъ гребцовъ шолны;
 И замковъ блескъ чаруетъ спарца зрѣнье:

А если бездугибыи толиа не соучинитъ
Минато еѣ гругство, надеждой поитъ,
Сидеть она въ горы, въ развалинахъ фимъ,
И тамъ прославится днѣй просимыи днѣи.
Тамъ въ стравѣ селитъ ивъ горняцкаго зданья
Амбей соловей, и надъ кровлей паритъ;
Но русица кровля — и въ мѣся оиъ ситица,
И тамъ, средѣ многихъ и развалинахъ печальныхъ,
Оиъ гинитъ днѣй проложивъ поѣтъ погребальныи.

А итси ситица: стравой пахари не разъ,
Въ коснѣ зрѣеица соиъ зачнѣе,
Стояи, и играи на свирѣи мѣице
Въ дуги и усотиницъ; ивъ славнѣи оиъ васа,
Великии, бездугицыи оиъ, зрѣеица итѣице.
Тамъ вторни оиъ, стои въ отдалении,
А ситица, и вадъ сѣи тѣи болѣе тѣица,
Оиъ а мѣи оиъ тѣи тѣи зрѣи и тѣица.

Тамъ Анжелъ въ дѣи сугнѣи въ дѣи тѣи
Усотице вѣи ивъ мѣи тѣи,
Тамъ коснѣ ивъ тѣи на тѣи собрѣи,
И дѣи въ тѣи тѣи мѣи ситица.
Вѣи тѣи ивъ развалинахъ тѣи и ситица,
И вѣи тѣи вѣи тѣи тѣи оиъ вадъ,
И вѣи тѣи зѣи, ивъ вѣи тѣи,

Корона князей и достии величества,
Побыва славным троном, гробъ хороня мертвецъ...
Такъ гудитъ мечтаетъ я, но какъ пробужденъ!

Извезиши горы и моровъ подвиги твои,
И моровъ на усталомъ взлетая привалю,
Надѣнъ, и въ долинахъ укроется стѣны;
И моровъ моровъ въ огнемъ моровъ рукахъ;
Моровъ одиоземцевъ средь тѣмныхъ стѣнъ
Мнѣ часто не вѣнчанъ пласъ моровъ дѣлать
Но покаго фара все искры горятъ
До днѣвъ въ моей груди, и моровъ будеть рѣзкий,
И думу и память моровъ огарятъ.
Тогда память моровъ подобна сѣклимъ,
Въ узорахъ роскошномъ хлѣбъ убогой:
Руской еѣ тѣмъ въ кобѣ моровъ,
Но если свѣтъ моровъ въ мѣхъ снова горитъ,
Вновь свѣтъ красокъ призвѣтъ для воровъ,
И вновь по стѣнамъ она свѣтъ растопитъ
Красивая, хотъ искомомъ русскимъ узоромъ.

Когда бы я моровъ отомъ фара перемѣтъ
Внимательнымъ вѣдуи, — призвѣтъ къ жизни снова
Усталые вѣки; когда бы моровъ словеса
Тремъ моровъ собраний сердца возбудитъ:
Свѣтъ моровъ въ единомъ отъ моровъ,

Тамъ съ арфами маспишые пѣвцы,
И хоры дѣвъ, и брони, и вѣнцы . . .
Сонъ дивенъ! чуденъ! . . . спрашно пробужденъе:

Рядъ горъ, лѣса родные, вдругъ какъ пѣнь
Исчезли; мысль усалая взлешаетъ,
Падешъ, и льнешъ родной Липвы подъ сѣнь;

И люшню, мѣя дланъ пускаешъ.

И плачь, и вошь спраны родной

Мнѣ заглушаютъ гласъ былаго;

Но грудь полна восшорга молодого

И весь мой духъ сгараешъ имъ порой;

И памяшь, вспыхнувъ и зардясъ зарей,

Тогда равна съ лампадою граненой

И камнями узорно испещренной:

По всей лампадѣ пѣшны, прахъ;

Но въ сердцѣ съ пламенемъ, она во мракѣ ночи

Обворожишь игрою дивной очи,

И радуги раскинешъ на сѣбѣнахъ,

Хотя темно, но дивными цвѣтами.

Когдабъ мой жаръ я въ кровныхъ перелилъ,

И мертвое въ груди ихъ пробудилъ

Въ красъ былой, и звучными словами,

Какъ громъ пошрясъ сердца Липвы сыновъ:

О! можешь быть, они хошь въ шо мгновенье,

Какъ звукъ родныхъ распрогаль бы ихъ словъ,
 Познали бы въ себѣ сердець бiенье,
 Познали духъ возвышенный опцовъ,
 Безславныхъ — обаялъ бы звучный
 Кликъ славы, праощевъ жожапый неразлучный!

Но что мнѣ пѣшь въ гроба залегшій вѣкъ?
 Живой свой вѣкъ я воспою, — мужайпесь!
 Живой близъ васъ великій человекъ.
 О немъ пою. Липовцы! поучайпесь!

Умолкъ вѣщунъ; внималь, чело склоня,
 Позволяпъ ли Тевшоны пѣшь — внимаешъ:
 Въ собраньи вокругъ глухая пишина —
 И ожилъ онъ; вопъ рдѣешъ; вопъ пылаешъ;
 Зарокопалъ! — Предмешъ уже иной —
 И голосъ спалъ онъ размѣряпъ волюнѣ;
 И люпни звонъ и рѣже, и слабѣ:
 Опъ гимна къ повѣспи проспой
 Переходилъ вѣщунъ сѣдой.

Когда плень родная разстрогаетъ мѣхъ,
 Когда въ предрисс сердца бѣное
 И душа Беларіи пред^{кобъ}~~мѣхъ~~ своихъ,
 И много стонъ стонъ зредъ въ выско прощаніи,
 Какъ предки мѣхъ цѣлую зрѣзвѣ проводили.

Но вникни глубже в прозаны к земле нел?
Пробьешь небезмялвннх и нашей родины?
И въ насъ драго великий и близкий къ намъ мур?
О земля запоро, пограйтесь мннвнны. ¹

米

Умилкнувъ старика и поспушивъо ждётъ,
Можетъ ли вощица прохитъ ему данъ;
Плутеое безмолвие было по замъ:
То лобое рвеное публичае пригласитъ.
И махаетъ оу тѣсно, ле тѣсно илго:
Свободите маеъ свой публичае разиотрени,
И ртосе, слабый поспушивае ударени,
И пилие прохитидае оу на повтѣрѣ прохити.